

УДК 7.033, 72.033, 726.7
ББК 85.103(2), 85.113(2)
DOI: 10.51678/2073-316X-2024-4-36-69

Андрей Баталов

Собор московского Рождественского монастыря, его датировка и место в типологическом контексте

Статья посвящена обсуждению датировки собора московского Рождественского монастыря. При отсутствии письменных источников о строительстве в обители, наиболее существенным становится определение подходов к интерпретации его архитектурного облика. Сопоставление собора по его конструктивным и композиционным особенностям с кругом построек первой половины XVI столетия приводит к выводу, что он может быть поставлен в ряд сооружений второй половины 1540-х годов.

Ключевые слова:

русская архитектура XVI века,
монастырское храмостроительство,
собор старицкого Успенского монастыря,
старицкие князья,
строительство по образцу.

Изучение Рождественского монастыря в Москве связано в основном с вопросами идентификации храмов и монастырей во имя Рождества Богородицы «на трубе» или «на рву», упоминавшихся в XIV–XVI веках в летописях, духовных грамотах и других источниках¹. Значительно меньше внимания было уделено определению времени построения существующего собора, тогда как наиболее распространенная в историко-архитектурной литературе его датировка началом 1500-х годов не имеет оснований и давно уже требует аргументированного пересмотра. Этому вопросу и посвящена наша статья.

***

Какие-либо сведения о времени строительства собора не были известны уже в первой четверти XVIII века. В Реестре московских церквей 1722 года на вопрос «В котором году построены» было показано «Изстари, а в котором году и по чьему благословию, того не написано» [48, с. DXIX]. Монастырское предание («как из изустного предания монашествующих») о строительстве каменной церкви царем Иоанном IV и его женой царицей Анастасией было впервые зафиксировано в конце XVIII столетия авторами Географического словаря [37, с. 166]. Тогда же появилась и его более распространенная редакция, связывающая идею создания монастыря и храма с тем, что царица Анастасия, находясь на пути в Троице-Сергиев монастырь, почувствовала на этом месте себя беременной царевичем Феодором [20, с. 178]. Это вошло во многие книги о российских и московских святынях [3, с. 689; 34, с. 169–170; 47, с. 257]. В некоторых подобных изданиях ко времени Иоанна IV относилось лишь сооружение придела во имя святителя Николая [35, с. 146–147]. Версия,

1 Во многом они получили разрешение в обобщающей статье Л. А. Беляева, определившей методологические подходы к изучению «монастырской» топонимики [11].

основанная на толковании летописных и легендарных сведений, была сформирована М. А. Ильиным в конце 1920-х годов. Он связал создание церкви с восстановлением монастыря после пожара 1501 года² и решил, что соборный храм мог быть построен только до смерти Ивана III, в 1501–1505 годах. Время учреждения придела Святителя Николая в южной апсиде, в соответствии с версией путеводителей XIX века, автор относил ко времени царствования Иоанна IV [18, с. 5]. На отсутствие документального обоснования датировки 1501–1505 годами или 1502 годом впервые указал А. С. Фуфаев, обмеривший и исследовавший церковь. При этом исследователь полагал, что ее построили в первые годы XVI века русские мастера без участия итальянцев, и напомнил, что она не упоминается в списке построенного Алевизом Фрязиным. Он также увидел следы стески стены в южной апсиде, сделанной, как ему казалось, для устройства после пожара 1547 года придела Святителя Николая [55, с. 58]. Натурные исследования А. Афанасьева (1957) и Н. В. Ильенковой (1968) [17] уточнили представления о первоначальном облике, включавшем изначально придел в южной апсиде, но не пролили свет на время построения собора. Поэтому и впоследствии повторялись ничем не подтвержденные даты его строительства в 1501–1505 годах и учреждения придела после 1547-го [38, с. 212]. Распространена также и более осторожная датировка началом XVI века [30, с. 85]³. Понимание необоснованности традиционных версий отразилось в работах последних десятилетий [5, с. 152–153; 57, с. 133]. Конкретизировал границы возможного возведения Рождественского собора Вл. В. Седов, отнеся его к первой трети XVI века [52, с. 225].

Становится очевидным, что никаких письменных свидетельств, позволяющих датировать собор, не существует, и единственным источником являются особенности его архитектурного облика. Поэтому наша цель — определить подходы к определению места собора в развитии русской архитектуры, исходя исключительно из его конструктивных, композиционных и стилистических особенностей.

Традиционная точка зрения предполагала, что в начале XVI века под влиянием раннемосковского храма Андронникова монастыря формируется группа памятников с выделенными извне пониженными угловыми компартиментами — соборы старицкого Успенского,

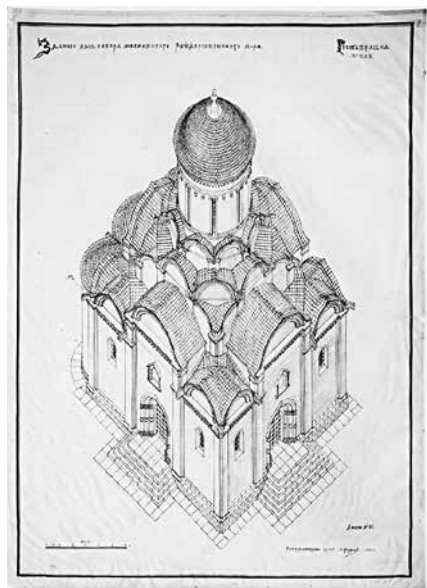
2 В Львовской летописи содержится подробное описание московского пожара 17 августа 7008 (1500) года, при котором выгорел Рождественский монастырь [28, с. 371].

3 Об устойчивости такой датировки см.: [50, т. II, с. 85].

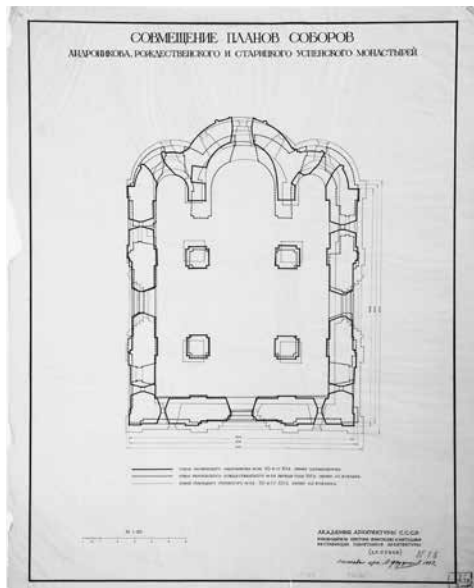
московского Рождественского, клинского Успенского монастырей [19, с. 31]. Кроме датировок проблематичным является их соотношение с собором Андронникова монастыря. (Ил. 3.) Считать его отправной точкой прямой линии эволюционного развития, которое привело бы к формированию этой группы построек, невозможно, поскольку этот храм оказывается вне известного контекста зодчества эпохи Василия Дмитриевича. Он является уникальным явлением, не получившим преемственного развития в архитектуре всего XV столетия. Кроме того, его облик сложился в результате целостной реставрации 1960–1961 годов [2], и на реконструкцию утраченного завершения, вероятно, оказал влияние облик собора московского Рождественского монастыря [7]. (Ил. 1.) Это не отрицает подлинности четверика с пониженными угловыми компартиментами и апсид, сохранившихся к началу реставрационных работ. Вопрос о том, был ли он частично перестроен в XVI столетии и должен ли он тогда включаться в ряд других сооружений, или, напротив, является для них образцом, может быть решен только в результате отдельного исследования, основанного на анализе реставрационных материалов. Его связь с соборами старицкого Успенского и московского Рождественского монастырей не подвергается сомнению. В этом отношении особый интерес вызывает опыт архитектора А. С. Фуфаева по совмещению планов всех трех соборов. (Ил. 2.) Оказалось, что их планиметрия и размеры во многом совпадают. Поэтому можно поставить вопрос об ориентации на собор Андронникова монастыря как на образец, что объяснило бы его неожиданное влияние на архитектурный облик монастырских построек практически через «столетие»⁴. Появление одиночного «внутримонастырского» образца — характерная черта именно середины XVI столетия, времени расцвета монастырского строительства.

Достоверно, наиболее близким к собору московского Рождественского монастыря по архитектурным особенностям является собор старицкого Успенского монастыря, поэтому мы уделим ему особое внимание. (Ил. 4.) Его датировка основана на общей уверенности в том,

4 А. М. Салимов предположил, что на объемно-пространственное построение собора старицкого Успенского монастыря, возможно, повлиял облик старицкого храма Архангела Михаила XIV века, который мог обладать выраженными во внешнем построении объема пониженными угловыми компартиментами [50, т. I, с. 348–351]. Гипотетически все возможно, однако никаких данных об облике Архангельского собора Старицы не существует и это предположение остается недоказуемым и непроверяемым. Поэтому собор Андронникова монастыря является по-прежнему единственным возможным протографом для построек выделенной группы середины XVI столетия.

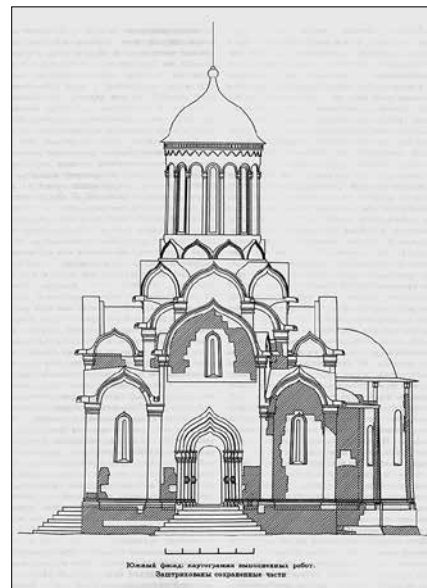

1. Собор Рождественского монастыря. Аксонометрия
Архитектор А. С. Фуфаев. 1953
ГНИМА, PV 5621

2. Совмещение планов соборов Андронникова, Рождественского и старицкого Успенского монастырей
Архитектор А. С. Фуфаев. 1947
ГНИМА, PV 2155

что строительство осуществлялось при жизни старицкого князя Андрея Ивановича. Единственные сведения источников о ктиторах, а соответственно о периоде возведения храмов старицкого Успенского монастыря содержатся в Писцовой и межевой книге Старицы 1686 года. Здесь излагается монастырское предание, записанное писцами со слов настоятеля монастыря: «А по скаске... архимандрита Исая с братею, настоящая церковь страение Великого Князя Андрея Ивановича Старицкого... А церковь Введение Пречистые Богородицы с трапезаю страение Великого Государя Царя... Иоанна Васильевича... На Святых воротах церковь Священномученика Василья ангильские церкви... А страение та церковь и окола монастыря ограда того ж Великого Князя Ондreja Ивановича Старицкого» [41, с. 157–158]. Эти сведения были полностью повторены архим. Амфросием (Орнатским), который положил начало историографической традиции [3, с. 293–294].

3. Собор Андронникова монастыря [2, с. 381]
Южный фасад; картограмма выполненных работ. Заштрихованы сохраненные части

4. Собор старицкого Успенского монастыря. Вид с юго-востока
Фото Ю. В. Тарабариной. 2020

Появление конкретной даты строительства — «1530-й год» — связано с записью в Метрике собора, составленной по указанию ИАХ в 1887 году [51, с. 164], повторенной затем в историко-архитектурной литературе [36, с. 7; 15, с. 305]. Встречались и более осторожные датировки — «1530-е годы» [4, с. 10; 56, с. 86]. Позднее, год убийства князя Андрея Ивановича и заточения его семьи (1537) определил для некоторых авторов верхнюю границу предполагаемого строительства собора. Обратив внимание на особенности ордерной декорации интерьера этого собора, мы сопоставляли его с такими постройками, как Успенский собор Ростова Великого (1510–1512) и Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря (1515) [6, с. 190]. Профилировка и композиция импостов столбов казалась близкой к капителям интерьера церкви Вознесения в Коломенском. Поэтому мы предложили датировать белокаменный собор старицкого Успенского монастыря временем после 1532 года, т. е. возведения церкви

Вознесения в Коломенском, и условно до 1537 года, т. е. до гибели князя Андрея Ивановича [5, с. 153–154]. Исходя из временных границ существования удела князя Андрея Ивановича строились и рассуждения А. М. Салимова. Исследователь допускает возможность строительства до 1532 года, после приезда князя Андрея Ивановича на удел в 1519 году [12, с. 66], что объясняло бы его близость к ордерной декорации интерьеров в Успенском соборе Ростова Великого и Хутынского монастыря [49, с. 137]. Однако, рассуждая в этой парадигме, можно обратить внимание не только на 1519 год, когда князь вступил в права наследования по завещанию своего отца великого князя Ивана III, но и на другие события в истории удела.

Так, в начале 1533 года князь Андрей Иванович получил разрешение великого князя жениться. Летопись подробно описывает его венчание 2 февраля с княжной Евфросинией Хованской митрополитом Даниилом в Успенском соборе и свадебный пир на дворе удельного князя, на котором присутствовал великий князь Василий III с великой княгиней Еленой, сыном Иоанном и братом, удельным князем дмитровским Юрием Ивановичем [25, с. 68]. Это событие могло стать началом создания собственной удельной династии (поскольку наличие двух малолетних сыновей у великого князя, а также присутствие старшего по возрасту дмитровского князя Юрия Ивановича, не давало оснований для претензий Андрея Ивановича на великокняжеский стол). Вскоре, по прошествии менее года, 3 декабря 7042 (1533) великий князь умирает. При приведении к крестоцелованию братьев великого князя митрополитом Даниилом они обязались «жити им на своих уделех» [45, с. 24]. Именно с этого момента Старица становится местом постоянного проживания семьи князя Андрея. Под 7043 (1535) годом Постниковский летописец сообщает «Того же лета июля в 9 день родился князю Андрею Ивановичю в Старице сын Владимир» [45, с. 25]. Этот период постоянного проживания в Старице также может быть благоприятным для начала строительства в Успенском монастыре⁵. В пользу такой версии могут свидетельствовать некоторые иконы, существовавшие в соборе в 1607 году. Это образ патрональных святых старицких князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича, написанный не ранее 1535 года (святые равно-

5 О вкладах князя Андрея Ивановича в монастырь известно немного. По Переписным книгам монастыря 1607 года в казне обители находились две его данные на село Ефимьяново с деревнями и село Лгово с деревнями [40, с. 37].

апостольный князь Владимир и мученик Андрей Стратилат). Другая икона, на которой были написаны преподобная Евфросиния и святой мученик Евсигний, т. е. патрональные святые княгини Евфросинии и князя Андрея Ивановича по его молитвенному имени, создана не ранее 1533 года [40, с. 22–23]. Разумеется, эти иконы могли быть перенесены и из деревянного храма. Также мы не можем представить себе первоначальное собрание икон, которое сформировалось в удельный период, так как в 7075 (1567) году «монастырь выгоре» [32, с. 142]. Подавляющее большинство указанных в описи 1607 года образов связано с вкладами Иоанна IV и Патриарха Иова.

Все подобные рассуждения основаны на доверии к монастырскому преданию, записанному в конце XVII столетия. Оно, казалось бы, определяет хронологические границы построения собора старицкого Успенского монастыря временем правления удельного князя Андрея Ивановича, что позволяет рассматривать его в качестве определенного репера для датировки собора Рождественского монастыря.

Изложенная в Писцовой книге дифференциация построек по хронологии строительства кажется и по сию пору достаточно убедительной, поскольку вряд ли можно усомниться в строительстве трапезного комплекса в царствование Иоанна IV. Что же касается возведения надвратной церкви во имя Святого Василия Анкирского на средства князя Андрея Ивановича, то здесь появляются определенные сомнения. Этот храм, как и каменная ограда, описан в Писцовой книге 1607 года [40, с. 41, 43]. Впервые датировали надвратную церковь временем правления князя Владимира Андреевича В. В. Кавельмахер и М. Б. Чернышов, связав ее посвящение с рождением у старицкого князя Владимира Андреевича сына Василия Владимировича [21, с. 97, прим. 80]. Действительно совпадение имени сына удельного князя и посвящения церкви позволяет предположить, что патрональным святым князя Василия был святой Василий Анкирский. По другой версии, предложенной А. М. Салимовым, князь Андрей Иванович посвятил церковь патрональному святому своего старшего брата, Василия III [49, с. 278]. Эта версия не может быть принята к рассмотрению, поскольку патрональным святым великого князя был не Василий Анкирский, а Василий Парийский⁶. Однако мнение о том,

6 «В лето 6987. Месяца Марта в 25, в 8 час ноши, противу дни собора Архангела Гавриила, родился великому князю Ивану Васильевичю сын от царевны Софии и наречен бысть Василей Парийский» [25, с. 190].

что князь Василий Владимирович был крещен во имя святого Василия Анкирского, нуждается в дополнительной аргументации, поскольку остается неизвестной точная дата его рождения. Ф. Б. Успенский указал на его молитвенное имя — Савин, что позволяет установить день рождения князя — 16 марта, когда празднуется память этого святого [27]. Память святого Василия пресвитера Анкирского празднуется 22 марта, т. е. он является ближайшим Василием ко дню рождения князя Василия Владимировича. Святой Василий Анкирский мог быть патрональным святым и царевича Василия Иоанновича, родившегося 21 марта 1563 года [26, с. 490]. Посвящение патрональному святому князя Василия Владимировича кажется более логичным, но нельзя не обратить внимания на то, что среди монастырских престолов нет посвященных святым князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича. Наконец, среди вкладчиков обители был и князь Василий Константинович Пронский, родственник князя Владимира Андреевича, служивший в 1550 году по Старице⁷ и упоминавшийся в Разрядных книгах в качестве воеводы [46, с. 284, 298 и др.]⁸. Его гробница, единственная, кроме гробницы Патриарха Иова, отмечена Переписной книгой монастыря 1607 года и находилась у северной стены соборной церкви⁹. Однако мы не знаем во имя кого он был крещен. Данные рассуждения говорят о том, что надвратный храм мог быть построен как при князе Владимире Андреевиче, так и позже, при переходе Старицы во владение царя Иоанна IV. Во всяком случае монастырское предание, записанное в конце XVII столетия, не представляется однозначным источником, который не нуждался бы в проверке. Ко времени княжения Андрея Ивановича архимандрит Исайя мог отнести все строения, созданные по ктиторству удельных князей. Поэтому, как и в случае с собором Рождественского монастыря, мы можем полагаться лишь на анализ архитектурных форм.

С соборами старицкого Успенского и московского Рождественского монастырей по особенностям построения объемов объединяют и собор

7 В Тысячной книге записаны по Старице «Князь Андрей да князь Василей княж Константиновы дети Пронского» [54, с. 183]. Его дед, кн. Ф. Д. Пронский, был боярином и наместником князя Андрея Ивановича. О князьях Пронских на службе старицких князей см.: [16, с. 117; 12, с. 67].

8 Его жена, княгиня Мария Пронская, дала по нему, себе и своим родителям на поминовение в Троице-Сергиевом монастыре вотчину в Дмитровском уезде в 1573–1574 годах [13, с. 45–46].

9 «Да на левой стороне у большой церкви у алтаря гробница каменна надо князем Василем Константиновичем Пронским» [40, с. 41].

клинского Успенского монастыря, о времени построения которого нет исторических сведений, даже легендарных. Его относили к середине столетия [39, с. 249–250]. А. В. Яганов в связи с этим отметил, что наиболее ранние свидетельства о монастыре относятся к 1540-м годам [57, с. 143, прим. 28]. Обитель действительно впервые упомянута в Духовной грамоте 1545 года Матвея Ивановича Левашова¹⁰. Впервые специальную работу исследованию собора посвятил Вл. В. Седов, выстроивший аргументацию для его отнесения к первой трети XVI столетия [52]. Клинский храм значительно отличается от соборов в старицком Успенском и московском Рождественском монастырях по конструкции перекрытия (пониженные подпружные арки) и по отношению к ордерной декорации интерьера (только базы и трехчастные карнизы столбов под пятами арок). Вероятно, отсутствие явных датирующих признаков привело Вл. В. Седова к мысли о возможности увязать «вопрос о датировке... с вопросом о природе образности интерьера» [52, с. 225]. Исследователь увидел в этом интерьере параллели с венецианскими крестовокупольными церквями конца XV века [52, с. 227] и назвал собор клинского Успенского монастыря их упрощенной репликой [52, с. 234]. В результате автор предположил, что он построен одним из «ассимилированных» итальянцев и тяготеет к постройкам первой трети XVI столетия. Если пользоваться методом автора, то подобные аналогии и датировка выглядят очень убедительно. Однако вне восприятия образа интерьера суждения о нем могут носить и противоположный характер, позволяя присоединиться к традиционной датировке серединой столетия.

Итак, перед нами уникальная для XVI столетия группа, объединяющая сооружения с пониженными угловыми компартиментами, нашедшими отражение в общем построении объема четверика. При этом следует подчеркнуть, что ни один из них не имеет твердой датировки, а соответственно, не может быть привлечен в качестве хронологически точного ориентира.

Прежде всего обратим внимание на особенности объемно-пространственного построения и планиметрии собора старицкого Успенского монастыря. Он может быть поставлен в ряд построек первой трети XVI столетия, связанных с влиянием кремлевских соборов, и прежде

10 «А дадут по моей душе Пречистой в Клин на Городок игумену и священници и з дьяконы... на сорокоуст да на престол два рубля...» [1, с. 185].

всего Успенского. Кроме равновеликого пятиглавия на него указывает и аркатурно-колончатый пояс на его фасадах. На алтарных апсидах сохранились фрагменты такого пояса, «редуцированного» при ремонтах. Он сопоставим с аркатурно-колончатым поясом на апсидах собора Новодевичьего монастыря. Отмеченное нами ранее «родство» старицкого собора с шестистолпными пятиглавыми соборами, построенными после 1508 года (Успенским собором Ростова и собором Хутынского монастыря), распространяется не только на ордерную декорацию интерьера, но и на соединение ее с повышенными подпружными арками. При этом он обладает совершенно уникальными особенностями, выделяющими его из общего ряда. Они не только в соединении «алевиловской» декорации с прямоугольными опорами, но и в композиции четверика. В Старице традиционная схема объемно-пространственного построения четырехстолпного или шестистолпного пятиглавого храма «ломается». Появляется ярко выраженное различие в высотных отметках сводов средокрестия и угловых компартиментов, что получило отражение в пониженных боковых пряслах, а соответственно, и в соотношениях центрального и боковых барабанов. Вся композиция приобрела подчеркнuto пирамидальный характер.

В построении завершения явно прослеживается ориентация на традиционные, но перефразированные здесь архитектурные мотивы. Так здесь появляется двойной постамент центрального барабана. Перед нами своеобразная, адаптированная к пятиглавию, интерпретация традиционного второго ряда кокошников, восходящего, в свою очередь, к диагональным кокошникам второго ряда в раннемосковских постройках конца XIV — начала XV века. Над ним «в перебежку» поставлен третий ряд кокошников, декорирующих собственно постамент барабана. Это сочетание формирует своеобразную ярусную композицию¹¹.

Как и в Успенском соборе Ростова Великого и в Спасо-Преображенском соборе Хутынского монастыря, «алевиловская» декорация интерьера адаптирована для сооружения с повышенными подпружными

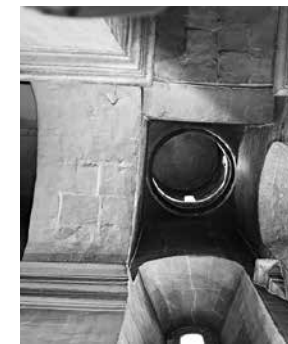
11 Можно указать и на одну более раннюю аналогию. Это церковь Святой Троицы в Чашникове. Под чердаком П. Н. Максимов и С. А. Торопов открыли постамент центрального барабана, декорированный двумя рядами кокошников [31, с. 21, рис. 5: «Кокошники в основании среднего барабана»; с. 22, 23, рис. 8: «первоначальный вид церкви села Чашникова», реконструкция П. Н. Максимова]. Однако это сходство может быть не принципиальным, поскольку в Чашникове двойной ряд кокошников, а в старицком соборе именно двойной постамент под барабаном.

5. Собор старицкого Успенского монастыря. Интерьер. Вид на своды и подпружные арки. Фото Ю. В. Тарабариной. 2020

6. Собор старицкого Успенского монастыря. Интерьер. Вид на северо-восточный столб и апсиду. Фото А. Л. Баталова. 2005

7. Собор старицкого Успенского монастыря. Интерьер. Вид на юго-западный барабан. Фото Ю. В. Тарабариной. 2020

ми арками. При этом на стенах старицкого собора присутствует деталь, не встречающаяся в русских храмах после построек Алевиза Нового и соборов Ростова Великого, Хутынского монастыря и Рождественского собора в Суздале (1526/1527–1529), — карниз в основании свода в руках пространственного креста. (Ил. 5.) Высота центральной апсиды позволила поместить профиль под ее конхой на уровне этого карниза. (Ил. 6.) Структурированность проявляется еще в одном новом приеме: стенки, разделяющие алтарное пространство, трактованы как столбы. Они выдвинуты по отношению к плоскости стены алтарного полукружия и наделены карнизом на уровне пяты арки, соединяющей алтарную стену четверика со столбами. Поскольку карниз проходит по всем трем плоскостям этих стенок, то они воспринимаются как дополнительная пара столбов. Прием в какой-то степени напоминает ордерную декорацию церкви Вознесения в Коломенском, где на угловых выступах внутренних стен также поставлены пилястры.

Сопоставление с архитектурой Петра Малого можно продолжить и в отношении профилировки ордерных членений. Композиция профилей карнизов, членящих столбы, приближает их по форме к капителям интерьера церкви Вознесения в Коломенском. Сходство достигается благодаря значительному выносу венчающих частей.

Вероятно, для сопоставления старицкого собора с произведением Петрока Малого существенен также тот факт, что, как и в Коломенском, в старицком соборе внутренние карнизы идентичны по профилировке наружным. Нижняя часть столбов превращается в четырехгранный пилон, завершенный капителью, над которым стоит верхняя часть опоры, завершенная аналогичным карнизом. Поэтому в интерьере старицкого собора ощущается присутствие двухэтажного ордера. Двойной профилированный карниз выложен в основании барабана и «протянут» широкий пояс под его скуфьей. Также следует отметить, что в интерьере собора ордерная декорация получает свое развитие, приобретая новые элементы, отсутствующие в кремлевских соборах. В западных углах четверика помещены своеобразные кронштейны, отвечающие по высоте и профилировке импостам под пятами арок на стенах. (Ил. 7)

Параллели с церковью Вознесения в Коломенском могут иметь неслучайный характер, поскольку намеренно неклассическая трактовка ордера в церкви Вознесения в Коломенском является авторской, не встречающейся до этого в произведениях других итальянских мастеров. Она полностью соответствует общему замыслу готицизированного произведения Пьетро ди Аннибале и не могла появиться ни в каком ином сооружении, явно с ним не связанном. С предполагаемым периодом строительства собора старицкого Успенского монастыря «после 1532 года» может связывать также характер трактовки опор. Как уже говорилось, столбы имеют вид пилонов с капителями и базами с высоким плинтосом (у западных опор). Прямоугольные итальянизированные столбы мы находим в соборе Зачатьевского Высоцкого монастыря, приблизительно датированного серединой XVI века. Квадратные западные столбы этого храма имели высокие постаменты с филанками. Их происхождение в русской архитектуре связано прежде всего с Архангельским собором Московского Кремля и наиболее близко по исполнению к Успенскому собору Дмитрова (1507–1511) и собору Бориса и Глеба дмитровского Борисоглебского монастыря (середина XVI в.). Они также повторены и в соборе Новодевичьего монастыря и других более поздних постройках. Наиболее близким аналогом столбам собора старицкого Успенского монастыря являются пилоны церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре (1531–1534).

Возвращаясь к объемно-пространственному построению, скажем, что именно оно отделяет старицкий собор от итальянизированных

подобий московских соборов первых десятилетий XVI века, в которых мы видим четкое следование композиции фасадов с практически равновысотными пряслами стен и закомар. Здесь мы должны сказать, что возведение пятиглавых соборов, в основном прекратившееся в 1530–1540-е годы, в исключительных случаях возобновляется во время великого княжения и царствования Иоанна IV (соборы Спасо-Прилуцкого, 1537–1542, и Новодевичьего, конец 1540-х, монастырей) [10]. Архитектурные особенности собора старицкого Успенского монастыря позволяют не связывать его строительство с временем правления князя Андрея Ивановича (следует разделять время вкладов в обитель, замысла возведения каменного собора и его реализации). Он мог быть возведен и после возвращения удела князю Владимиру Андреевичу.

***

Вернемся теперь к собору московского Рождественского монастыря. Особенности построения внешних объемов, характер ордерных деталей, а также декорации интерьера, конструкций и в определенной степени технологии строительства позволяют утверждать, что он не мог быть построен ранее 1508 года. Прежде всего это применение крестчатых в плане столбов, которые вновь вошли в русскую архитектуру после приезда Алевиза Нового, построившего Архангельский собор и церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору, а также ордерная декорация интерьера. Поэтому 1508 год — время освящения Архангельского собора и церкви Рождества Иоанна Предтечи в Кремле — является нижней границей датировки.

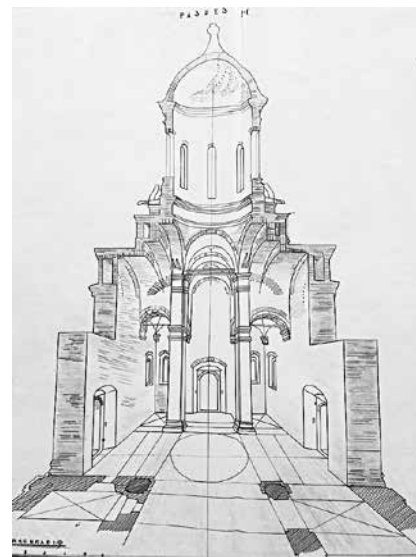
Как и в старицком соборе, мы здесь встречаем применение ордерной декорации в интерьере памятника с традиционной, в целом, конструкцией перекрытия и без внутрискатных лопаток. (Ил. 8.) Карнизы, помещенные под пятами арок, соединяющих опоры со стенами, раскрепованы по всему периметру столбов, увенчанных карнизами в основании повышенных подпружных арок, несущих барабан. Идентичность профилей всех ордерных членений и согласованность последних по высоте размещения создают структурированность внутреннего декора. Основной элемент — это достаточно лаконичный трехчастный профиль, упрощенно интерпретирующий классический карниз. Он помещен на столбах в основании арок всех уровней и кронштейнах под их пятами на стенах. Благодаря высоте апсиды здесь, как и в соборе

старицкого Успенского монастыря, карниз в основании конхи соединен с импостами на ее торцевых стенах, декорирующими пяты арок, связывающих восточную стену четверика со столбами. Сходство есть и в другом уникальном приеме — в кронштейнах или импостах в угловых частях четверика. При этом в старицком соборе этот элемент теряет связь с конструкцией, так как не связан с пятами парусов боковых барабанов. В Рождественском соборе импост помещен в пятах крестовых сводов в угловых компартиментах и повторяет форму угла¹². Профилированные пояса также расчленяют барабан по высоте. При этом в отличие от старицкого собора в храме Рождественского монастыря нет карнизов в пятах сводов в средокрестии. Несмотря на это различие, мы можем подчеркнуть единое для них понимание ордерной декорации интерьера и ее практически идентичную структуру.

Система перекрытия, несмотря на традиционность, обладает уникальной особенностью. Перед нами неизвестное ранее в среднерусских землях сочетание повышенных подпружных арок со ступенчато-повышенными сводами. Следует указать и на особенность перекрытия всех четырех угловых компартиментов крестовыми сводами. (Ил. 9.) Как мы увидим ниже, аналоги известны не только в италянизированном интерьере собора Троице-Данилова монастыря в Переяславле-Залесском, но и в постройках, которые можно датировать серединой XVI столетия.

Динамический рост внутренней пространственной структуры нашел выражение и в построении внешних объемов. Уникальность конструкции перекрытия в полной мере соответствует принципиально новым, судя по сохранившимся зданиям XVI века, формам завершения этого храма. Мы видим уже знакомые по старицкому собору пониженные боковые прясла, соответствующие отметкам сводов угловых компартиментов. Выше, как и в старицком соборе, поставлен уже описанный нами двойной постамент под барабаном. Однако здесь добавлен новый элемент: с каждой стороны света над закомарами четверика поставлены трифолии. Между ними помещены диагональные кокошники, которые вместе с килевидными завершениями трифолиев декорируют первый ярус постамента барабана. Над ними в перебежку, как и в соборе старицкого Успенского монастыря, поставлен второй ярус кокошников, декорирующих собственно постамент барабана.

12 Это напоминает форму угловых лопаток в интерьере московского Успенского собора.

8. Собор Рождественского монастыря. Аксонометрия интерьера
Архитектор Н. В. Ильенкова
ГНИМА, РВ 7715

9. Собор Рождественского монастыря. Интерьер
Вид на юго-западный столб
Фото А. Л. Баталова. 2020

Как и в соборе старицкого монастыря объемно-пространственному построению четверика соответствуют и пониженные боковые апсиды. На фасадах также выявлены все сочленения горизонтальных и вертикальных элементов. На лопатках центрального прясла трехчастные импосты (карниз: полка, четвертной вал, обратная выкружка с лобиком; архитрав — полувал и полка с откосом) отмечают уровень боковых прясел и пяты архивольтов их закомар. Аналогичные импосты помещены в завершении этих лопаток в пятах закомар центральных прясел. Закомары отделены от прясел не антаблементами, которые соответствовали бы по структуре трехчастным импостам, а карнизами, состоящими (сверху вниз) из полки, полувала, полки и обратной выкружки.

Профилировка декора отличается тонкостью и многосоставностью. Так, трехчастные импосты имеют карниз, состоящий из полки, полувала и обратной выкружки, а «архитрав» — из четвертного вала и полки. Особой дробностью отличается профилировка архивольтов, в которой

мы видим сочетание мелких и крупных, прямых и криволинейных обломов¹³.

Итак, храмы старицкого Успенского и московского Рождественского монастырей обладают удивительным сходством и на уровне общей объемно-пространственной композиции, и на уровне трактовки интерьера. Несмотря на особенности, связанные в том числе и с разницей в строительном материале (собор старицкого Успенского монастыря — белый камень, собор Рождественского монастыря — кирпич), присутствуют общие черты профилировки, особенно архивольтов закомар. Нельзя не обратить внимания на редкий облом — обратную выкружку. В закомарах старицкого Успенского собора этот облом обрамляет тимпан закомары, а в Рождественском помещен между полувалом и четвертным валом, венчающим архивольт.

Отсутствие документов, раскрывающих историю этих обителей в первой половине XVI столетия, не позволяет нам увидеть связи между этими монастырями, но очевидно, что они могут быть сближены друг с другом хронологически. При этом определить, какой собор стоит в начале формирования этой типологической группы, достаточно трудно. В интерьере собора Рождественского монастыря ордерная декорация обладает большей системностью. Это касается уже упоминавшихся угловых кронштейнов, которые в соборе Рождественского монастыря тектонически оправданны, а в соборе старицкого Успенского монастыря являются «цитатой», теряющей связь с пространственной структурой, что, с одной стороны, дополнительно указывает на связь этих произведений, а с другой — заставляет думать, не построен ли старицкий собор позже Рождественского?

Для нас особенно существенно использование в построении четко читаемого трифолия, вошедшего в русскую архитектуру в первой трети XVI столетия. Документировано его использование в бесстолпных постройках 1510-х годов — церкви Благовещения на Старом Ваганькове, Или Пророка на Новгородском подворье, а также недатированной церкви Рождества Христова в с. Юркино¹⁴. Вместе с тем соединение его с двойным постаментом говорит о виртуозном владении арсеналом новых архитектурных приемов¹⁵. Трифолий, применяемый исклю-

13 Профиль закомар составляют: полка, четвертной вал, узкая полка, обратная выкружка, мелкий полувал, узкая полочка, широкая полка, граненный полувал.

чительно в бесстолпных сооружениях в XVI столетии, в этом соборе включен в совершенно иной контекст, становясь лишь элементом общего завершения четверика четырехстолпного храма. При этом в композиции завершения, как и в соборе старицкого Успенского монастыря, доминирует двойной постамент барабана с двумя рядами кокошников, что еще раз подчеркивает близость двух столь отдаленных друг от друга построек.

При всей оригинальности своей объемно-пространственной композиции в построении завершения очевидна связь с тем направлением, которое формируется в архитектуре первой половины столетия не ранее 1540-х годов. Именно в этот период распространенная и укрепившаяся в Белозерье традиция покрытия по закомарам и поставленным фронтально кокошникам второго ряда в сочетании с кокошниками в основании барабана распространилась в центральных уездах. Мы встречаем «белозерский» тип покрытия в соборах Медведевой пустыни (1547), Княгинина (середина XVI в.), киржачского Благовещенского (рубеж 1540–1550-х гг. [9]), Троицкого Лютикова (середина XVI в.) монастырей. В Москве в те же годы (в конце 1540-х — 1550-е) создается «комбинированный» тип покрытия, в котором фронтально поставленные кокошники второго ряда сочетаются с диагональными — собор Симонова монастыря, церковь Антипия Чудотворца. Он известен и в Белозерье — во Введенской церкви Спасо-Прилуцкого монастыря. Таким образом формируется тот тип построения кокошников второго ряда, который мы в перефразированной форме встречаем в соборах московского Рождественского и старицкого Успенского монастырей. В храмостроительстве в центральных уездах в 1550–1560-е годы возвращаются италянизированные типы покрытия по закомарам (преимущественно полуциркульным), четырехстолпных церквей без второго ряда кокошников, а в бесстолпных — трифолием. Таким образом, можно выделить период, для которого появление восьмигранного объема

14 В 1520-е годы возможно применение трифолия в завершении одного из приделов собора Спаса на Бору (1527), но неизвестно, когда он был построен и какими были его первоначальные формы. Существует точка зрения, что трапезная церковь Благовещения в ростовском Борисоглебском монастыре (1524–1526) имела трифолии в завершении четверика (см. реконструкцию Е. Н. Добромислоевой: [44, с. 164]).

15 Можно было бы заподозрить, что трифолии сформировались после реставрации, но их элементы присутствуют на фотографиях и обмерах А. С. Фуфаева, сделанных после разборки поздней кровли (ГНИМА, РВ 5621-5; Арх. 2719/56, фото 1946 г.).

10. Собор Княгинина монастыря
Вид с юга
Фото А. Л. Баталова. 2023

11. Собор Княгинина монастыря
Интерьер. Вид на восточные столбы
и конху центральной апсиды
Фото А. Л. Баталова. 2023

из кокошников второго ряда в сочетании с кокошниками в основании барабана наиболее органично. Это — конец 1540-х годов.

Такая реминисцентная по своей сущности композиция сочетается с ордерной декорацией интерьера, в то время как в сооружениях времени Василия III существовало соответствие между построением общего объема и итальянизированным интерьером. Оно впервые было нарушено в Белозерье в середине 1530-х годов, где итальянизированный декор интерьеров и фасадов сочетался с завершением фронтально поставленными многорядными кокошниками, традиционными для монастырского строительства в этом регионе. Именно эта модель получила распространение в центральных уездах во время великого княжения и начала царствования Иоанна IV.

В этом отношении характерен уже упоминавшийся собор Успенского Княгинина монастыря (середина XVI в.), обнаруживающий близость к собору Рождественского монастыря. (Ил. 10.) Перед нами четырехстолпный одноглавый кирпичный храм с тремя апсидами одинаковой высоты. Стены четверика разделены лопатками на три прясла. Антаблемент в основании закомар отсутствует. Лопатки завершаются трехчастными импостами, над которыми поставлены высокие гладкие

прямоугольные наверхшия, «укорачивающие» архивольты закомар. Характерно, что пяты внутреннего облома архивольта в виде полува-ла опущены ниже пят его внешних обломов. Если бы так называемое кубообразное наверхшие импостов завершалось профилированным карнизом, то его общий облик оказался бы близок к «капителям» лопаток собора Новодевичьего монастыря. Архивольты закомар имеют килевидное подвышение¹⁶, как и в соборе московского Рождественского монастыря. Выше над закомарами первого ряда со значительным отступом фронтально поставлены кокошники, опирающиеся на стенки, разделенные, как и стены четверика, короткими лопатками с аналогичными, но пропорционально уменьшенными импостами с наверхшиями¹⁷. Над этим рядом кокошников расположен более узкий восьмигранный постамент барабана, с мелкими кокошниками, опирающимися на лопатки с восстановленными при реставрации импостами.

При ясно выраженной ориентации на среднерусскую архитектурную традицию при формировании объемно-пространственной композиции и на фасадной декорации, в интерьер внесена «алеизовская» система декорации. При этом пространственно-конструктивная система также носит компромиссный характер. Столбы с закрестиями, распространившиеся в русской архитектуре первой трети столетия, соединены с традиционной конструкцией повышенных подпружных арок. Крестовые своды, перекрывающие угловые компартименты, находятся на более низких отметках, чем коробовые своды, перекрывающие ветви пространственного «креста». Пяты повышенных подпружных арок выделены на столбах импостами, повторяющими по структуре и составу обломов капители или импосты на фасадных лопатках. Такие же импосты отмечают пяты арок, на которые опираются коробовые своды ветвей пространственного «креста» и крестовые своды угловых компартиментов. Все импосты на столбах проходят по всему периметру. Пространственная структура храма не предполагала соответствия высотных отметок всех своих элементов. Так, арки, соединяющие восточные столбы с восточной стеной четверика, находятся значительно выше арок

16 Достоверность восстановления их первоначального облика подтверждается обмерными чертежами. На восточном фасаде до реставрации килевидный абрис некоторых профилей архивольтов сохранился на северной и южной закомарах. Подобные следы существовали и на северном и южном фасадах у боковых закомар.

17 Под чердаком до начала реставрации сохранились эти стенки с кокошниками с разобранными для устройства четырехскатной кровли завершениями архивольтов.

в западном трансепте. Поэтому нижние импосты, отмечающие пяты арок на восточных столбах, подняты к импостам подпружных арок и создают видимость сложного единого членения верхних регистров опор. На алтарной стене восточным столбам соответствуют выделенные лопатки с такими же импостами. Они декорируют торцевые стенки центральной апсиды. (Ил. 11.) Отчасти этот прием напоминает трактовку восточной стены и соответственно торцевых стен алтарной апсиды в соборе старицкого Успенского и московского Рождественского монастырей. Под пятой свода центральной и боковых апсид проходят карнизы, как в соборе московского Рождественского монастыря. Отличие в том, что карнизы в апсидах не раскрепованы на лопатках, декорирующих восточную стену четверика. В соответствии с общей пространственной структурой они ниже импостов этих лопаток.

Таким образом, при различиях в композиции объема собор Княгинина монастыря обнаруживает ту же систему ордерной декорации интерьера при повышенных подпружных арках, что и в старицком Успенском и Рождественском соборах, в сочетании с многоярусным завершением четверика.

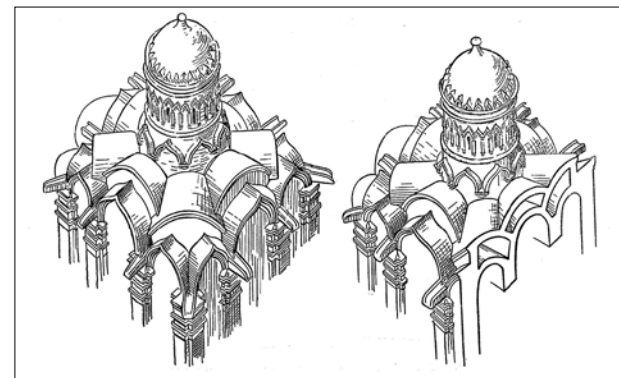
Собор Рождественского монастыря также логично вписывается в ряд московских построек, относящихся к концу 1540-х или к началу 1550-х годов. Среди них наиболее близким к нему оказывается Успенский собор Симонова монастыря (1546–1549). Это одноглавый [53, с. 28], четырехстолпный храм, построенный на подклете¹⁸, с многоярусным покрытием четверика и без антаблемента, отделяющего прясла от закомар. (Ил. 12.) Между диагональными кокошниками второго ряда здесь помещен фронтально расположенный кокошник, поставленный над центральной закомарой [29, с. 215, рис. 3]¹⁹. Постамент барабана был декорирован рядом килевидных кокошников, опирающихся на кронштейны. На поверхности барабана помещен аркатурный пояс на пилястрах.

18 Первоначальная конструкция паперти осталась неизвестной.

19 Что касается реконструируемой П. Н. Максимовым системы вторых сводов, то на ряде фотографий, сделанных во время разборки четырехскатной кровли, можно увидеть за ее обрешеткой не только килевидные кокошники в основании центрального барабана, но и свод над центральной закомарой. На этом своде стоят стойки обрешетки. Этот свод с опирающейся на него конструкцией поздней кровли виден и на фотографии, сделанной под обрешеткой. Он намного выше закомар собора, что позволяет с доверием отнести к сведениям П. Н. Максимова. Что же касается диагональных сводов, то нам остается только довериться его наблюдениям, поскольку не удалось обнаружить их фотофиксацию после разборки глухих боковых барабанов.

12. Собор Симонова монастыря
Вид с севера
Фотография. 1930-е
ГНИМА, Арх.138/2

13. Собор Симонова монастыря
Реконструкция
Архитектор П. Н. Максимов
[29, с. 215]

Обращает на себя внимание форма основных членений четверика. Лопатки с «плечиками», на которых раскрепованы импосты под закомарами. Они многосоставные и повторяют структуру импостов церкви Вознесения в Коломенском. Напомним, что в этом произведении, построенном Петром Малым, повторяется в неклассической трактовке известная в кватроченто структура — капитель с фрагментом антаблемента. Здесь мы видим ее более упрощенную интерпретацию — это, скорее, сдвоенный импост²⁰.

Профилировка архивольтов килевидных закомар имела также сложную профилировку, но менее дробную и сложную, чем в импостах. Им соответствовали по набору профилей кокошники аркатурного пояса на барабане. К импостам лопаток четверика по характеру профилировки более близок трехчастный развитый по высоте карниз барабана. (Ил. 13.)

20 Перед нами фрагмент классического антаблемента: архитрав, составленный из широкого полуваля и полочки под ним, фриз и высокий, тонко и сложно профилированный карниз (состоящий сверху вниз: полка с тонкой подрезкой, широкая полка, тонкий четвертной вал, две тонкие полочки-подрезки, полувал, полочка). Над этим импостом поставлен второй, состоящий из фриза и карниза (полка, четвертной вал, две тонкие полочки, четвертной вал и две узкие полки под ним). Ниже этих «двойных» импостов находится полувал.

Значительно меньше сведений сохранилось об интерьере. Судя по обмерам, столбы с закрестиями несли пониженные подпружные арки²¹. Кроки обмера продольного разреза, сделанного П. Н. Максимовым, И. В. Воблым и К. Н. Кацнельсон, зафиксировали трехчастные импосты крестообразных в плане столбов, вероятно, соответствующие по сложности нижней части импостов фасадных лопаток²². На кроки различимы высокие сложнопрофилированные карнизы, фриз и архитрав, состоящий из нескольких обломов. На стенах храма, в пятах подпружных арок были помещены аналогичные по профилировке импосты. Базы столбов на кроки не зафиксированы. Сложный профиль имел карниз в основании барабана, а более простые тяги отмечали зону, в которой находились окна, и в пяте скуфьи барабана.

В Успенском соборе Симонова монастыря мы впервые за пределами Белозерья сталкиваемся с созданием облика традиционного покрытия XV столетия, обычно связанного с конструкцией повышенных подпружных арок, для сооружения с пониженными подпружными арками. При такой реминисцентной направленности в композиции верх декорация фасадов и оформление интерьера сохраняют преемственность с итальянскими постройками времени Василия III. На фасадах очевидно влияние неклассического ордера церкви Вознесения в Коломенском, а в интерьере — следование «алевизовской» модели ордерного оформления интерьера [5].

С собором Симонова монастыря может быть поставлен рядом собор Новодевичьего монастыря. Эти соборы определяют наше восприятие столичной архитектуры конца 1540-х — начала 1550-х годов. Они принадлежат к различным типологическим группам по планиметрии и композиции объемов, что объясняется различием образцов и программы. Собор Новодевичьего, очевидно, первый храм, построенный после значительного перерыва по государеву заказу, ориентирован

21 Р. Кацнельсон описала конструкцию перекрытия достаточно неконкретно, но характер изложения позволяет понять, что автор предполагала существование повышенных подпружных арок [23, с. 93]. А. В. Яганов также отнес собор к группе построек с повышенными подпружными арками [57, с. 140]. Подробного описания интерьера и конструкций перекрытия в архивных документах обнаружить не удалось, однако на листе кроки разреза собора, выполненном П. Н. Максимовым (ГНИМА, Арх. 138/18), как кажется, ясно показаны пониженные подпружные арки. В верхнем правом углу листа помещен набросок конструктивного узла — основания барабана, паруса и четко показанной подпружной арки.

22 ГНИМА. Арх. 138/18.

на Успенский собор Московского Кремля, прежде всего по общему объемно-пространственному построению, трактовке фасадов и некоторым элементам интерьера (слитые своды без подпружных арок в центральном продольном и поперечном нефах). Однако при этом родственен характер профилировки, находящийся аналогии не только в соборе Симоновской обители, но и в Рождественском соборе. В этой связи следует более внимательно отнестись к одному из самых выразительных элементов фасадного декора собора Новодевичьего монастыря — развитым по высоте и сложным по профилировке «капителям» лопаток. Они состоят из трех профилированных элементов, разделенных широкими «фризами». Авторы проекта реставрации полагают, что верхний импост был добавлен во время восстановления собора конца 1540-х годов после катастрофы 1550 года. Для нас важно, что уже в 1550 или 1551 году здесь повторяется структура «капителей» собора Симонова монастыря, что говорит о едином отношении к интерпретации неклассических ордерных деталей церкви Вознесения в Коломенском. Подобно соборам Симонова и Рождественского монастырей в Смоленском соборе — дробные и достаточно широкие архивольты, профиль которых состоит из чередующихся прямолинейных и криволинейных обломов — полук и четвертных валов. Примечательна и трактовка интерьера, в котором цитируются элементы декорации Архангельского собора, при этом вне связи с реальной конструкцией перекрытия. В Смоленском соборе, где все своды находятся на одной отметке, членения столбов, которые призваны обычно акцентировать пяты подпружных арок, находящиеся на разной высоте, превращаются в своеобразные цитаты, выключенные из первоначального тектонического контекста. (Ил. 14.)

Определенную близость к ним, а также к собору Рождественского монастыря обнаруживает церковь Антипия Пергамского у Больших конюшен (конец 1540-х — начало 1550-х). Это первая бесстолпная постройка с крещатым сводом, в объемно-пространственном построении которого применяется тип перекрытия с вторым рядом кокошников, сочетающих фронтально поставленный центральный с боковыми диагональными. Подобное покрытие для бесстолпного храма встречается в 1540-е годы в Спасо-Прилуцком монастыре в трапезной церкви Введения Богородицы. Структура фасадов четверика, несмотря на разницу масштабов, обладает общими чертами с собором Симонова монастыря — отсутствие антаблемента, килевидные кокошники первого ряда,

лопатки «с плечиками». Кроме последних с соборами Рождественского и Симонова монастырей объединяет дробность профилировки архивольтов кокошников. В интерьере церкви Антипия Пергамского присутствуют элементы ордерной декорации, а именно — пристенные и угловые пилястры. Они имеют в основании упрощенные аттические базы и карнизы в завершении. Обращает на себя внимание одна особенность — пилястры помещаются и на восточной стене. Источником такого необычного приема из известных построек может быть только интерьер церкви Вознесения в Коломенском, где по всему периметру четверика поставлены пилястры — по две на каждой стене, включая восточную. В интерьере церкви священномученика Антипы этот прием структурирования интерьера повторен в перефразированном виде, вступив в противоречие с пространственной структурой сооружения. Особенности цитирования ордерных мотивов в церкви Антипы Пергамского находят параллели с тем, как преобразуется итальянизированная декорация в интерьере собора Новодевичьего монастыря конца 1540-х — начала 1550-х годов. Несмотря на то что источники и характер ордерной декорации иные, чем в соборах старицкого Успенского, московского Рождественского и Симонова монастырей, мы видим здесь ту же модель, сочетающую реминисцентные черты в композиции объема с итальянизированной трактовкой интерьера.

Не только эта модель, но и второстепенные декоративные мотивы на фасадах собора Рождественского монастыря связывают его с кругом построек середины столетия. Речь идет о так называемых фигурных кронштейнах, которые помещены под карнизами, отделяющими закомары от прясел, а также под карнизами боковых апсид и барабана. Эта деталь представляет редуцированную редакцию характерных для среднерусской традиции «белясинных» поясов второй половины и конца XV века. В постройках того времени они образованы двумя рядами «городков», между которыми поставлены белясины (например, церковь Ризоположения в Московском Кремле). В соборе Волоколамска над белясинами расположены «городки», а сами белясины опираются на горизонтальную тягу. В Рождественском монастыре из этой структуры заимствован верхний ряд городков, которые трактованы как кронштейны, на которые зрительно опирается карниз. Вместо белясин под этими городками помещена деталь — фрагмент четвертного вала с двумя полочками (сверху и снизу). Этот набор обломов и придает «городку» характер кронштейна. Его основание имеет округлые очертания,

14. Собор Новодевичьего монастыря
Интерьер
Фото А. Л. Баталова. 2024

что отличает эти кронштейны от «городков». Практически идентичные «фигурные» кронштейны помещены под карнизами, отделяющими тимпаны закомар от прясел на фасадах, а также апсид и барабана в соборе киржачского Благовещенского монастыря (конец 1540-х — начало 1550-х), под карнизами апсид и барабана собора Княгинина монастыря (1540-е), под карнизами на фасаде и апсидах собора дмитровского Борисоглебского монастыря (середина XVI в.). В церкви Антипия на Колымажном дворе применяется более упрощенный вариант кронштейнов, более характерный для построек 1550–1560-х годов.

Среди особенностей фасадного декора, которые в комплексе с другими чертами могут иметь значение для датировки, следует указать

15. Собор киржачского Благовещенского монастыря
Вид с юго-востока
Фото А. Л. Баталова. 2022

16. Собор киржачского Благовещенского монастыря
Интерьер. Вид на своды
Фото А. Л. Баталова. 2022

еще раз лопатки с плечиками²³. Они находят аналогии, как уже говорилось, среди построек середины XVI столетия, прежде всего в соборах киржачского Благовещенского (1540-е – начало 1550-х) и дмитровского Борисоглебского (условно середина XVI в.) монастырей. Несколько в другой трактовке («плечики» с импостами) известны в соборе Симона монастыря и распространены среди бесстолпных церквей начала 1550-х – 1560-х годов: московские церкви Антипия на Колымажном дворе и Никиты Мученика в Заяузье, а также церковь Зачатия Иоанна Предтечи в Коломне (в части объема, относящегося к середине – второй половине XVI века).

23 Их нельзя путать с лопатками, разделяющими прясла с нишами на фасадах бесстолпных храмов начала XVI столетия (см. церкви Рождества Христова в Юркине начала XVI в., Благовещения на Старом Ваганькове, 1514–1516, Илии Пророка на Новгородском подворье, 1519–1520). В них между лопаткой и плоскостью ниши образуется плоскость стены. Эти ниши находят соответствие и в элементах трифолия, благодаря чему у лопаток в завершающей части появляются плечики.

Одна из характерных московских особенностей собора Рождественского монастыря – это спиралевидная кладка купола. Нижняя граница ее распространения не очень ясна. А. И. Власюк, исследовавший московский Архангельский собор в 1946 году, писал, что все купола выполнены в спиралевидной кладке [14, с. 109, 129]²⁴. Как известно, купола имели двойные своды, и, судя по контексту, речь идет о внешних сводах, поверхность которых он мог наблюдать при демонтаже посводного покрытия куполов боковых барабанов и проникновении внутрь луковичной главы центрального. Трудно сомневаться в том, что происхождение сетчатой перевези и спиралевидной кладки имеют итальянское происхождение [33, с. 183]. Тем не менее, кроме Архангельского собора, применение спиралевидной кладки в начале XVI века неизвестно. Время ее распространения в храмах Москвы относится к середине – второй половине XVI века: Смоленский собор Новодевичьего монастыря, церковь Антипия у Колымажного двора, Покровский придел Архангельского собора, собор Покрова на Рву, приделы Благовещенского собора, церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове.

Поздней датировке Рождественского собора не препятствуют и крестовые своды во всех угловых компартиментах. Крестовые своды, как уже говорилось, являются не только особенностью строительства 1520–1530-х годов, но и середины столетия: соборы киржачского Благовещенского (западные компартименты), Княгинина, клинского Успенского, Антониево-Краснохолмского [43; 58; 8] (во всех угловых компартиментах). Также крестовые своды присутствуют в угловых западных компартиментах Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Наконец, обратим внимание и на строительный материал. Как показали исследования А. С. Фуфаева, в кладке стен, сводов и ордерных деталях применен кирпич $7-7,5 \times 14 \times 28-30$ ²⁵. Его размеры практически идентичны кирпичу, из которого был сложен собор Симона монастыря – $7,3-7,5 \times 13-14 \times 28-29$. С ними сопоставимы и размеры кирпича первого периода строительства Смоленского собора – $7,6-8,0 \times 13-13,6 \times 28,6-29,5$.

24 В кладке свода центрального барабана собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле использован другой тип кладки – сетчатой [22, с. 48, рис. 14; 50].

25 Г. Москва. Богородице-Рождественский монастырь. Историческая справка, акты обследования, заключения научно-методического совета, кроки и др. Архив А. С. Фуфаева. ГНИМА. КПоф 1568/878-895. Арх. 2719/1-18.

К этому следует добавить и найденные во время натурных исследований 1945 года образцы чернолощенной плитки разных типов, которые встречаются в храмах, построенных в середине — второй половине XVI века [42, с. 59]

Существуют и постройки, которые демонстрируют реакцию на формы старицкого Успенского и московского Рождественского монастырей. Один из них — собор клинского Успенского монастыря, который в упрощенной и в целом схематичной форме повторяет композицию соборов с выявленными в построении объема пониженными угловыми компартиментами. Другой памятник — собор Благовещенского монастыря в Киржаче — обладал, по всей вероятности, композицией, ставящей его в ряд таких построек, как соборы Медведевой пустыни, Княгинина и, вероятно, Троице-Лютикова монастырей [9]. (Ил. 15.) При этом в нем прочитывается влияние двух построек — церкви Введения Богородицы Подольного монастыря, из которого заимствованы «пики» над архивольтом портала, и собора московского Рождественского монастыря. Несмотря на то что его четверик имеет кубические очертания без пониженных угловых компартиментов, здесь присутствуют основные элементы фасадов Рождественского собора — лопатки с плечиками, пояса фигурных кронштейнов под карнизами барабана, апсид и пояса, отрезающего закомар от прясел. В целом эта же схема присутствует и в соборе дмитровского Борисоглебского монастыря. При этом конструкция перекрытия в киржачском Благовещенском соборе в упрощенной форме повторяет уникальные ступенчато-повышенные своды в сочетании повышенными подпружными арками в соборе Рождественского монастыря. (Ил. 16.) Строительство в Киржаче происходило после 1547 года²⁶. Таким образом, собор в Рождественском монастыре могли построить не позже закладки соборной церкви в Киржаче. Представить иную последовательность достаточно трудно, так как уникальная конструкция перекрытия сочетается в соборе Рождественского монастыря с уникальной композицией объемов, и ее появление органично именно в этом столичном храме. Кроме того, если бы собор Рождественского монастыря был построен в начале 1550-х или в 1560-е годы, в кладке его деталей, сводов, особенно свода барабана,

26 Нижняя граница определяется возведением в 1546–1547 годах Введенской церкви в Подольном монастыре, а также вкладом Иоанна IV в том же году непосредственно в киржачскую обитель [24, с. 21].

присутствовал был бы маломерный кирпич, встречающийся в каждой известной нам московской церкви тех лет.

***

Таким образом, складывается круг аргументов, позволяющих поместить собор Рождественского монастыря среди построек середины XVI века, а точнее, второй половины 1540-х годов. Этому не противоречат и результаты археологического исследования, изложенные в публикуемой ниже статье Л. А. Беляева. Что же касается вопроса о периодизации внутри рассматриваемой группы построек, то можно лишь сказать, что по совокупности признаков соборы старицкого и московского монастырей были построены в близком временном пространстве. Более упрощенный отголосок архитектурного замысла старицкого и московского соборов мы наблюдаем в церкви клинского монастыря, которая может быть наиболее поздней постройкой внутри выделенной общности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты феодального землевладения и хозяйства/Подг. к печ. А. А. Зимин, отв. ред. Л. В. Черепнин. Ч. II. М.: Изд. АН СССР, 1956.
2. *Альтшуллер Б. Л., Давид Л. А., Подьяпольский С. С.* Реставрация Спасского собора Андронникова монастыря // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы. XIV–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 360–392.
3. *Амвросий (Орнатский) архим.* История Российской иерархии... М.: В Синодальной типографии, 1813. Т. V.
4. *Арсений, игумен.* Историческое описание старицкого Успенского монастыря. Тверь: Тип. Губернского правления, 1895.
5. *Баталов А. Л.* Итальянизирующие мотивы в интерьерах русских храмов первой половины XVI в. // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. М.: Изд. НИИ РАХ, 1994. С. 146–158.
6. *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Мейкер, 1996.
7. *Баталов А. Л.* Собор Андронникова монастыря и раннемосковская архитектурная традиция: проблемы соотношения // Русское искусство. I. Норма и разрыв. Сб. статей / Науч. ред. Вл. В. Седов;

сост. А. П. Салиенко. СПб., 2019. С. 7–19. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 146. Сер. II. Исторические исследования, 88).

8. Баталов А. Л. Утрата историчности: полемика о дате Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Искусствознание. 2020. № 4. С. 264–285.

9. Баталов А. Л., Яганов А. В. История реставрации собора киржачского Благовещенского монастыря и проблема реконструкции его первоначального облика // Вестник Сектора древнерусского искусства. 2022. № 2. С. 127–149.

10. Баталов А. Л. Храмостроительство в Новодевичьем монастыре в XVI века: от гипотез к источникам // Искусствознание. 2023. № 2. С. 10–31.

11. Беляев Л. А. Проблемы архитектурной топографии Москвы XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 456–468.

12. Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.

13. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987.

14. Власюк А. И. Новые исследования архитектуры Архангельского собора в Московском Кремле // Архитектурное наследство. 1952. Вып. 2. С. 105–132.

15. Воронин Н. Н. Хутынский столп 1535 г. (к проблеме шатровой архитектуры) // Советская археология. 1946. Т. VIII. С. 300–305.

16. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

17. Ильенкова Н. В. Собор Рождественского монастыря в Москве // Охрана и реставрация памятников архитектуры. Опыт работы мастерской № 13. М., 1981. С. 82–88.

18. Ильин М. А. Собор Рождественского монастыря // Материалы по истории русского искусства. М., 1928. Вып. II. С. 5–8.

19. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.: Искусство, 1980.

20. Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы... М., 1796.

21. Кавельмахер В. В., Чернышов М. Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. М.: Московские учебники — Сидипресс, 2008.

22. Караваева Е. М. Собор Спасского монастыря в Ярославле (исследование и реставрация) // Архитектурное наследство. 1963. Вып. 15. С. 39–50.

23. Кацнельсон Р. Ансамбль Симонова монастыря в Москве // Архитектурное наследство. 1956. Вып. 6. С. 87–106.

24. Краткий летописец Святотроицкого Сергиевы Лавры // Летопись занятий Археографической комиссии. 1864. Вып. 3. СПб., 1865. С. 18–26.

25. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Репр. воспр. текста изд. 1904 г. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. Половина 1-я. I–VI. С. 1–302.

26. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М.: Индрик, 2006.

27. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Сестра — жена — вдова. Феномен Аграфены Челядниной и ее семейства // Slověne. 2024. Т. 13, № 1 (в печати).

28. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Репр. воспр. текста изд. 1914 г. М.: Языки славянских культур, 2005. Т. 20. Ч. 1. С. 39–418.

29. Максимов П. Н. К характеристике московского зодчества XIII–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 12: Материалы и исследования по археологии Москвы. М.: Изд. АН СССР, 1949. С. 209–216.

30. Максимов П. Н. Архитектура второй половины XV — начала XVII в. // Всеобщая история архитектуры / П. Н. Максимов (отв. ред.). М.: Изд-во лит-ры по стр-ву, 1968. Т. 6. С. 43–93.

31. Максимов П. Н., Торопов С. А. Церковь села Чашникова Нарышкинских // Архитектурное наследство. 1969. № 18. С. 18–24.

32. Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Вып. 4. С. 129–151.

33. Мельник А. Г. Об истоках основных форм собора XVI в. ярославского Спасского монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1998. С. 180–187 (Труды ГИМ. Вып. 99).

34. Милютин И. Описание Москвы и ее достопримечательностей. М.: В Тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1-я.

35. Москва, или Исторический путеводитель. М.: Тип. С. Селивановского, 1831. Т. III.

36. Некрасов А. И. Отчет о комплексной Тверской экспедиции // Труды этнографо-археологического музея. М.: Издательство Первого Московского государственного университета, 1928. Вып. IV: Быт. С. 3–18.
37. Новый и полный географический словарь Российского государства и лексикон. М.: В Университ. тип., 1788. Ч. IV: О-Р.
38. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М.: Искусство, 1989.
39. Памятники архитектуры Московской области/Под ред. Е. Н. Подъяпольской. М.: Стройиздат, 1999. Вып. II.
40. Переписные книги старицкого Успенского монастыря 1607 года // Святыни и древности. Переписные книги и описи Старицкого Свято-Успенского монастыря. М.: Пента, 2013. С. 14–50.
41. Писцовые и переписные книги Старицы XVII века/Сост. А. В. Матисон. М.: Старая Басманная, 2016.
42. Подъяпольский С. С. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. 2000. № 1. С. 47–62.
43. Подъяпольский С. С. О датировке Никольского собора Антониева-Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследство. М.: URSS, 2001. Вып. 44. С. 26–31.
44. Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы/Сост. и подг. к публ. Е. Н. Добромысловой. М.: Индрик, 2006.
45. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 8–30.
46. Разрядная книга 1475–1598 гг./Подг. текста, вводная ст. и ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1966.
47. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М.: В Университет. тип., 1852.
48. Реестр церквей, находящихся в Москве с показанием «строения лет, приходских дворов и расстояния от церкви до церкви места» // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: В Синодальной тип., 1879. Т. II. Ч. I. С. DI–DLIV.
49. Салимов А. М., Салимова М. А. Старицкий Успенский монастырь. М.: Медиа Академия, 2008.
50. Салимов А. М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель XII–XVI века. В 2 т. Тверь: Гаск, 2015.

51. Святыни и древности. Переписные книги и описи Старицкого Свято-Успенского монастыря. М.: Пента, 2013.
52. Седов Вл. В. Церковь Успения в Клину: венецианский образ в древнерусском интерьере // *Amant Aeterna Camenae*. Сб. статей к 60-летию И. И. Тучкова. М.: Исторический факультет МГУ, 2017. С. 220–235.
53. Троицкий В. И., Торопов С. А. Симонов монастырь. М.: Упр. музеями-усадьбами и музеями-монастырями Гл. науки НК, 1927.
54. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в./Подг. к печати А. А. Зимин. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1950.
55. Фуфаев А. С. Собор московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII века. М.: Изд. Академии арх-ры СССР, 1947. С. 55–75.
56. Чиняков А. Г. Архитектура второй половины XV — начала XVII века // Всеобщая история архитектуры. Т. 6/П. Н. Максимов (отв. ред.). М.: Изд-во лит-ры по стр-ву, 1968. С. 43–93.
57. Яганов А. В. К вопросу о датировке собора Благовещенского Киржачского монастыря // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 130–145.
58. Яганов А. В. Об источниках датировки памятников «Бежецкого верху Николы Чудотворца Онтонова монастыря» // Архитектурное наследство. 2012. Вып. 57. С. 51–66.